

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

„ЧАЙКА“

В ТЕАТРЕ „АТЕЛЬЕ“

ПОСТАВЛЕННАЯ сейчас в Театре „Ателье“ в французской передаче Жоржа и Людмилы Пито-вых, в свое время восхищавших парижан и этой пьесы, первая большая проба драматического пера Чехова: „Чайка“ окончательно превращает — на радость нашу — парижский театральный сезон этого года в „Чеховский“. Действительно, с неослабным усердием в Театре „Мариньи“ идет „Вишневый сад“, у Саша Питова в „Эвр“ — чаруют публику „Три сестры“, а теперь в образцовой постановке Андре Варзак и „Чайка“ предстанет не менее блестящая карьера в „Ателье“.

Андре Варзак очень удачно указывает на то, что недостаточно быть хорошим актером, чтобы играть Чехова, необходимо, подчеркивает он, а ю б и т ь Чехова, чтобы игра дошла до публики. И, действительно, постановка в „Ателье“ свидетельствует — помимо прочих достоинств своих — о глубокой, искренней любви всех занятых в спектакле — от постановщика до последнего фигуранта — к нашему гениальному автору. Каждое слово, произнесенное на сцене, каждый жест, каждый домысел режиссера говорят громко об огромном любовном подходе Варзака и актеров к пьесе, рождающем то общение между сценой и зрительным залом, которое обезпечит пьесе долгий и славный ряд представлений.

Всем памятно содержание пьесы: драматическая судьба Нины, восторженной провинциальной барышни, увлеченной наглядным примбором стареющей знаменитой актрисы Аркадиной, притягивающей в имение брата „генерала“ и соблазняющей ее познакомиться с артистической жизнью. Правда, у Нины одновременно разыгрывается и любовная драма с состоявшим при актрисе прославленным писателем, ради которого она бросает дом и любимого ее Костю, в конце концов, стреляющего себя, будучи не в силах отказаться от любимой им девушки. Через всю пьесу проходит, как вѣрный лейтмотив, страдание из-за неразделенной любви: и все четыре женщины, участвующие в пьесе, и Костя, и доктор Дорн, Медовденко, да и сам „генерал“ — все терпит „горе от любви“.

О Чехове, кажется, уже все сказано, все в его творчестве разобрано и указано, но не знаю, достаточно ли было подчеркнуто его сострадательное, жалостливое отношение к женскому горю безответной любви, к страданиям женской души, ищущей отклика на чувства, ее обуревающей и не находящей удовлетворения. Эта особенность творчества Чехова, как бы врача души, понимающего больную любовью женщину

и жаждущего ей помочь делает его пьесы близкими и родными в европейцу, несмотря на все специфические особенности русской души и русской психики. Две главные страдания пьесы прекрасно изображены молодыми артистками: Паскаль де Бувассон очень любовно показала какую-то одиозность, связанность Миши, так и не нашедшей выхода из создавшегося положения, тогда как Катрин Селлерс дала исключительно сильный, захватывающий своим трагизмом и подкупающий искренностью образ запутавшейся в противоречиях „Чайки“. Ей от чистого сердца идущие душевные порывы, мечты о карьере артистки, увлечению Тригориным, горе, когда короткое счастье с ним сменяется будничными заботами жизни второстепенной актрисы, и, наконец, отказ от уютного и спокойного крова с Костей ради миража, владения душой, мигущейся, мигущей невозможного душой, даны юной артисткой с подкупающей простотой и выстраданностью, завораживающей зрителей, готовых вместе с ней плакать над ее разбитой жизнью.

Прекрасно изображен пылкого и неуравновешенного Костю Жак Амиран, горе которого, как и его юные мечты и известной жѣртѣ отображают ранние мечтания самого Чехова. Менее удачным получился образ Тригорина, чѣм-то напоминавший Валери, но в слегка пшютоватом освещении. Это — единственный персонаж пьесы, выпадающий как-то в „Ателье“ за рамки русской среды, в ней выведенной. Зато и доктор Дорн — Люсьен Нат, и „генерал“ — Поль Этгли, и Аркадина — Валентин Тесье, и Шамраев — Люсьен Юбер, и все остальные отлично заполняли уютную атмосферу спектакля, явно пришедшего по вкусу переполнявшей театр публике, не скучившейся на рукоплескания. Особо отметить следует еще восхитительные декорации Андреа Багста, с таким вкусом создавшие террасу и уютную, поэтичную комнату барского дома с открывающимися чудесным видом на озеро сквозь ивы и березки на его берегу.

А. Ш.